

Проводив Повелителя Демонов Е Цзиня и разобрав половину стопки нефритовых табличек, Ся Лань почувствовал, что его кости вот-вот рассыплются.

Хотя это тело обладало силой стадии Махаяны и не нуждалось в пище для поддержания духовной энергии, сам он был человеком из современного мира и грешил любовью к вкусной еде.

Стоило вспомнить упомянутый Е Цзинем напиток, как в голове тут же возник калейдоскоп лакомств: истекающее соком жареное мясо, нежные пирожные с османтусом в медовой глазури, томленный суп из снежного лотоса... Чем больше он думал, тем сильнее разыгрывался аппетит, и слюнки уже были готовы потечь.

— Ань Ин. — Ся Лань, опираясь на стол, поднялся, и его голос прозвучал с хрипотцой от накопившейся усталости.

— Ученик здесь. — Ань Ин тут же подошел ближе. Заметив тень утомления на лице наставника, он обеспокоенно спросил: — Учитель устал? Не хотите ли немного отдохнуть в боковом зале?

Ся Лань отмахнулся, глядя куда-то за пределы зала:

— Вели кухне... приготовить чего-нибудь поесть.

Ань Ин застыл, в его глазах отразилось полное изумление:

— Учитель?

В памяти Ань Ина Бессмертный Преподобный Лань Юйянь уже сотню лет как отказался от земной пищи. Он не то что зерновые — даже духовные плоды пробовал редко, предпочитая питаться лишь энергией неба и земли. Еще ни разу наставник не просил приготовить еду по собственной инициативе.

Ся Лань почувствовал себя неловко под его пристальным взглядом и, дважды кашлянув, пояснил:

— В последнее время чувствую, что циркуляция духовной энергии стала какой-то вязкой. Хочу сменить вкус, поесть обычной пищи, чтобы сбалансировать состояние.

Это оправдание было лишь наполовину правдивым. Вязкость была реальной — общение с этими прямолинейными мужчинами вытянуло из него половину жизненных сил. Но и желание сменить вкус тоже было настоящим — он действительно проголодался.

Хотя сомнения не покинули Ань Ина, он все же поклонился:

— Слушаюсь, ученик сейчас же передаст распоряжение. — Он помедлил и добавил: — Что именно желает Учитель? На кухне есть духовная каша.

— Не надо каши. — Ся Лань отказался, не раздумывая. Эта еда была безвкусной, как кипяченая вода. — Принеси... жареного мяса, побольше зиры. Еще пирожных, обязательно с медом. И да, еще тушеного голубя, чтобы мясо совсем мягким было.

Ся Лань говорил, и у него пересыхало в горле, а Ань Ин слушал, остолбенев.

Разве это еда для восстановления духовной энергии? Это же самые жирные блюда из обычных городских харчевен! С чего бы наставнику вдруг захотеть такого?

— Что такое? Не можешь приготовить? — Ся Лань приподнял бровь.

— Могу, могу. — Ань Ин поспешно закивал, хотя в душе его замешательство лишь росло. Развернувшись и зашагав к кухне, он не удержался и обернулся: наставник стоял, глядя на персиковое дерево за окном, и его профиль, прежде такой холодный и отстраненный, теперь казался почти живым, наполненным земным теплом.

Вскоре Ань Ин вернулся с подносом.

Жареная оленина поблескивала жиром, щедро посыпанная золотистыми зернами зиры, аромат был одуряющим. Пирожные с османтусом, уложенные слоями, сверкали медовой глазурью, а суп с голубем в белой фарфоровой чаше источал чистый, прозрачный аромат снежного лотоса.

Глаза Ся Ланя загорелись. Забыв о манерах Бессмертного Преподобного, он схватил нефритовые палочки и принялся за еду.

Мясо оленя оказалось хрустящим снаружи и нежным внутри, вкус зиры взрывался во рту; пирожные таяли, оставляя легкий цветочный аромат; суп был наваристым и согревал горло, разливаясь теплом по всему телу. Ся Лань был так доволен, что едва не зажмурился от удовольствия.

Ань Ин стоял в стороне, наблюдая за тем, как с аппетитом ест наставник, и его недоумение лишь крепло.

Разве это похоже на попытку сменить вкус? Это больше похоже на... привычку к такой еде.

Ся Лань съел больше половины и, заметив, что Ань Ин все еще стоит, поманил его:

— Садись тоже, поешь со мной.

Ань Ин поспешно замахал руками:

— Ученик не смеет, Учитель, приятного аппетита.

— Да что тут не смей. — Ся Лань пододвинул к нему тарелку с пирожными. — Все равно я не осилю. Попробуешь?

Ань Ин помедлил, но все же сел и взял кусочек пирожного.

В тот момент, когда сладость коснулась языка, он краем глаза заметил, что Ся Лань смотрит на него — взгляд был пытливым, совсем не таким отчужденным, как раньше.

— Ань Ин, — внезапно заговорил Ся Лань, и тон его стал таким обыденным, словно они вели светскую беседу, — как ты думаешь... каким я был раньше?

Ань Ин замер с пирожным в руке и поднял взгляд.

Закатное солнце пробивалось сквозь решетчатые окна, окрашивая профиль Ся Ланя в теплые золотистые тона. Длинные ресницы отбрасывали мягкую тень на щеки, и Ань Ину это напомнило луну, которую он тайком видел в детстве, прячущуюся за облаками: холодную, но в то же время исполненную едва уловимой нежности.

Поразмыслив, он честно ответил:

— Раньше Учитель... казались небожителем, не знающим земных забот. Всегда холодный, редко сближались с нами, учениками. Целыми днями либо медитировали в затворе, либо разбирали дела Мира Бессмертных, словно в этом мире, кроме совершенствования и долга, не было ничего, достойного вашего взгляда.

Ся Лань кивнул и кивком указал на пирожное в руках ученика, предлагая продолжать.

— Мы, ученики, благоговели перед вами, но вы казались нам далекими звездами — вроде бы близко, а на самом деле недосягаемо. — Голос Ань Ина стал тише, в глазах отразились воспоминания. — Вспомнить хотя бы прошлогодний праздник цветов: все ученики резвились под деревьями, а вы стояли на террасе в одиночестве. Ваша спина выглядела такой одинокой... что никто не осмеливался подойти. — Он замолчал, поднял глаза на Ся Ланя и искренне добавил: — Но в последние дни... вы словно изменились.

— О? И как же? — Ся Лань слегка подался вперед, с интересом ожидая ответа, словно слушал захватывающую историю.

— Стали... мягче. — Ань Ин задумался, перечисляя по пальцам: — Вы хмуритесь, глядя на сложные свитки, морщитесь, когда обжигаетесь горячим чаем, вздыхаете, когда я подаю не ту табличку, и еще... вот так, как сейчас, хотите обычной еды и зовете меня разделить трапезу.

Говоря это, он невольно улыбнулся, и в его глазах заплескали искры:

— Ученик осмелится сказать: сейчас Учитель больше похож на живого человека. В вас появилось земное тепло.

Сердце Ся Ланя дрогнуло, словно его коснулось что-то мягкое.

Живой человек? Тепло?

Неужели в глазах этих людей истинный Лань Юйянь был настолько оторванным от жизни, почти безжизненным существом?

Он посмотрел в чистые глаза Ань Ина, в которых отражался он сам, и вдруг подумал, что этот нормальный мир не так уж и плох. По крайней мере, здесь Лань Юйяню не нужно быть игрушкой, на которую все заглядываются, а Ань Ину не нужно подавлять свои чувства, превращаясь в параноидального безумца из книги.

Система: Обнаружен рост уровня симпатии Ань Ина. Признание изменений хозяина подтверждено.

Ся Лань взял вишенку с пирожного и протянул ее к губам Ань Ина, намеренно смягчив голос:

— Раз считаешь, что нынешний я неплох, то вот тебе награда.

Ань Ин опешил и машинально открыл рот, принимая угощение.

Сладкий сок разлился по языку, и вместе с ним он ощутил едва уловимое тепло пальцев наставника. Его уши мгновенно покраснели, словно их густо натерли румянами. Он поспешно опустил голову, не смея больше смотреть на Ся Ланя, чувствуя, как сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Ся Лань, глядя на его пунцовые уши и слегка дрожащие плечи, тихо рассмеялся про себя.

Ну вот, реакция есть. Похоже, эта миссия по покорению не так уж и сложна.

Он уже было вошел во вкус, как вдруг за окном раздался низкий крик орла. Подняв голову, он увидел темного сокола, сидевшего на карнизе: в когтях птица сжимала деревянную табличку с вырезанным узором облаков.

Ань Ин поднялся, забрал табличку, и, стоило ему прочесть надпись, лицо его побледнело, а голос напрягся:

— Учитель, это... это послание от Прадеда. Он требует, чтобы вы непременно явились к нему сегодня ночью.

Нефритовые палочки в руках Ся Ланя с тихим стуком упали в чашу.

Прадед.

Тот самый мужчина из оригинального романа, который выкопал его из сугроба и потратил сотню лет, чтобы выточить из него идеального Бессмертного Преподобного.

Кончики пальцев Ся Ланя непроизвольно сжались, а в голове пронеслись главы, которые он перечитывал десятки раз:

Прадед медленно и методично пропускает белую нефритовую заколку сквозь его волосы, и когда подушечки пальцев незначай касаются шеи, звучит низкий голос:

— Волосы Юйяня должен закалывать я.

А потом, стоило Ся Ланю улыбнуться Ань Ину, как тот же мужчина заставлял его стоять на коленях на ледяной кровати, связывая запястья шелковой нитью, и с нескрываемой жестокостью и вожделием наблюдал, как в глазах ученика бурлит хаос от сбившейся энергии.

Он подавал теплый отвар, но, когда Ся Лань пытался его выпить, сжимал его подбородок, заставляя глотать лекарство через силу, а затем стирал остатки влаги с губ, потирая большим пальцем нижнюю губу:

— Запомни, все в тебе принадлежит мне. И то, когда ты плачешь, и то, когда смеешься.

Это был контроль, пропитанный вожделием, воспитание под маской наставничества — самые запретные моменты романа, от которых у Ся Ланя перехватывало дыхание.

Затылок Ся Ланя покрылся холодным потом — то ли от страха, то ли от чего-то еще.

Он должен был бояться. Но при мысли об этих строках, при мысли о взгляде этого красивого мужчины, сердце бешено колотилось, а кончики пальцев горели.

Будет ли Прадед в этом мире... таким же?

— Понял. — Ся Лань поднял палочки, и дрожь в пальцах выдала его смятение. — Убери все, я пойду подготовлюсь.

Ань Ин принялся за уборку, но, заметив, как побелели пальцы наставника и как сильно тот сжал губы, не удержался, отложил поднос и шагнул вперед. В его голосе звучала мольба и тревога:

— Учитель, Прадед... хотя он и строг, но вам не стоит так волноваться. Сегодня я пойду с вами и буду ждать у входа в зал. Если что-то случится, просто позовите, я тут же войду.

Ся Лань замер, глядя на Ань Ина. В глазах юноши читалась такая искренняя тревога, словно он был маленьким зверьком, боящимся, что его хозяина обидают. Несмотря на собственный страх перед Прадедом, он все равно хотел заслонить его собой.

На душе у Ся Ланя стало теплее, паника, вызванная упоминанием Прадеда, немного отступила.

— Не нужно. — Ся Лань похлопал его по плечу, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Какое может быть важное дело у Прадеда? Скорее всего, расспросит о совершенствовании, твое присутствие будет только мешать.

Главное — в оригинале каждый визит к учителю превращался в такое...

Чтобы ученик стоял снаружи и слушал, как его «наказывают» внутри — это уж слишком!

<http://bllate.org/book/21785/2253005>